

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Г. В. Борисов

МЕРКАНТИЛИЗМ КАК ТЕОРИЯ ДЛИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

Популярность меркантилизма как школы, степень его влияния на умы экономистов-теоретиков и лиц, осуществляющих экономическую политику, имела свои взлеты и падения. Почти повсеместное доминирование меркантилистских идей в XVII — первой половине XVIII в. практически сошло на нет к концу XVIII столетия, однако уже в середине XIX в. отдельные составляющие меркантилистской политики пережили второе рождение в форме протекционизма в таких странах, находящихся за пределами Британского мира, как Германия, Россия, США. В XX в. создание командно-административных экономик в странах советского блока и активное использование методов государственного регулирования как в развитых странах, так и в новых индустриальных странах Азии позволило говорить о появлении неомеркантилизма¹.

Можно говорить о том, что традиционно меркантилизм оценивается с двух противоположных позиций. В *первой* из них, которую можно назвать негативной, меркантилизм предстает как внутренне противоречивая, несогласованная теория. В ней для достижения поставленных целей предлагаются заведомо негодные средства. В этом подходе меркантилистская теория оценивается как набор ошибочных идей, высказанных, по выражению А. Смита, «глупцами для глупцов», и отрицается наличие сколько-нибудь значительного вклада меркантилистов в развитие экономической науки. Важнейшей составляющей негативной традиции являются труды Р. Кантильона и Д. Юма, в которых была сформулирована теория валютно-денежных потоков. Большую роль в формировании данной традиции сыграл авторитет А. Смита, который обвинил меркантилистов в том, что разработанная ими теория баланса торговли абсурдна, так как предполагает, что во внешней торговле одна сторона выигрывает за счет другой. Следующим знаменитым тезисом Смита было утверждение о том, что меркантилисты смешивали богатство с деньгами. Кроме того, с точки зрения Смита, пороком меркантилизма были призывы к

Глеб Владимирович БОРИСОВ — канд. экон. наук, доцент кафедры истории экономики и экономической мысли. В 1994 г. окончил экономический факультет СПбГУ. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1997 г. работает в Университете. Сфера научных интересов — методология экономической науки, современная теория заработной платы, теория человеческого капитала, история экономических учений. Имеет 15 опубликованных научных работ.

© Г. В. Борисов, 2007

использованию государства с целью удовлетворения требований торговцев и промышленников, стремящихся к монополии. Наконец, после Смита к этому длинному списку пороков меркантилизма добавились обвинения в отсутствии у его представителей системного видения экономики, единой методологии анализа, развитого инструментального набора аналитических подходов, признанного набора взаимно согласующихся, строго выведенных и эмпирически подтвержденных гипотез².

Вторая, позитивная, позиция состоит в попытке найти рациональное зерно в меркантилистских идеях и тем самым объяснить поразительную популярность меркантилизма, а также эффективность его применения, по крайней мере, в Англии. Ее родоначальниками были экономисты немецкой исторической школы – Ф. Лист, Г. Шмоллер, В. Зомбарт, А. Онкен и другие, критиковавшие аргументы, выдвинутые А. Смитом против меркантилистов. Одновременно они предложили одну из интерпретаций меркантилизма, согласно которой основной идеей, лежавшей в основе меркантилистского анализа, являлось увеличение национальной мощи. Популярность этой интерпретации возросла после выхода в свет в 1931 г. посвященной анализу меркантилизма монографии Э. Хекшера, который также разделял данную точку зрения³. Огромную роль в укреплении позитивного взгляда на меркантилизм сыграла высокая оценка, данная меркантилистской школе Дж. М. Кейнсом, который посвятил целую главу «Общей теории занятости, процента и денег» доказательству того, что смысл меркантилистской теории состоял в расширении различными методами совокупного спроса и занятости. В 1981 г. Р. Эжелунд и Р. Толлисон выдвинули одну из последних широко признанных трактовок, предположив, что меркантилизм как теоретическая система и как практическая политика должен рассматриваться в контексте поиска ренты. Согласно их взглядам, его лучше всего характеризовать как систему регулирования, имеющую целью расширение предложения и спроса на монопольные права при посредстве государства⁴.

Можно отметить, что начиная с 1930-х годов интерес экономистов к меркантилистской школе значительно возрос. Это отразилось и на количестве статей, в которых проявлялось благожелательное отношение к этому направлению⁵. Однако негативная тенденция продолжала успешно существовать, яркой иллюстрацией чему служит анализ меркантилизма в авторитетной монографии М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе», переведенной на несколько языков, включая русский, а также редкие разгромные статьи в периодической печати, такие, как публикация У. Аллена, в которой он называет защитников меркантилизма больными шизофренией⁶.

Одним из положительных результатов дискуссий явилось то, что некоторые обвинения в адрес меркантилизма были опровергнуты и стали считаться некорректными. Прежде всего, это касается тезиса А. Смита о том, что меркантилисты не видели разницы между деньгами и богатством. Данное обвинение лишилось оснований после того, как Э. Кэннан в 1929 г. определил буллионистов и меркантилистов в точном смысле этого слова⁷. Именно для первых характерен особый акцент на проблеме обеспечения страны денежным металлом, обусловленной хозяйственными условиями того времени, характеризующимися нехваткой металлических денег для нужд товарообмена и расчетов и отсутствием развитой банковской системы, позволяющей заменить металлические деньги в обращении⁸. При этом есть основания полагать, что даже некоторые буллионисты, например Ж. де Малин (G. de Malynes), не отождествляли богатство и деньги⁹. Что касается собственно меркантилистов, то они хорошо осознавали различие между деньгами и богатством, так же как и необходимость развития внутреннего производства¹⁰. Особое же внимание экономистов той эпохи к внешней торговле объясняется

большим значением данной сферы экономики в те времена и, по мнению как немецких экономистов XIX в., так и историков XX в., было неизбежным в контексте сложившихся исторических условий¹¹.

Недостаточно обоснованной выглядит и обвинение меркантилистов в недооценке пагубности для общества монополий, также выдвинутое А. Смитом. Как показал анализ данного вопроса, многие меркантилисты выступали за свободу торговли, но понимаемую не в смысле абсолютного принципа, применимого к любой конкретной ситуации, а как свободу торговли в определенных сферах экономики. Так, часто требования контроля над внешней торговлей сочеталось с призывами и конкретными мерами по поддержанию конкуренции между «своими» торговцами и мануфактуристами на внутреннем рынке¹². Даже такие меркантилисты, как Кольбер и Т. Ман, требовали свободы торговли в том или ином смысле¹³, но ни меркантилисты, ни физиократы, ни даже сам А. Смит не требовали неограниченной свободы торговли в духе XIX в.¹⁴ Так, у поздних меркантилистов, выступавших за свободу торговли, – Дж. Чайлда, Ч. Давенанта, Д. Норса, Н. Барбона, – в действительности речь шла не о полной свободе, а лишь о свободе импорта товаров роскоши из Франции, и их позиция была продиктована, с одной стороны, политической принадлежностью к партии тори, с другой – лоббированием интересов Ост-Индской компании¹⁵. Что касается доктрины торгового баланса, она находилась на тех же позициях, что и ранее Т. Ман¹⁶. Меркантилисты в отношении к монополиям не были из ряда вон выходящим явлением для XVI–XVIII вв., а их озабоченность привилегиями различного рода вполне объяснялась необходимостью первоначального накопления капитала в условиях его нехватки, неразвитости рыночной инфраструктуры и больших рисков с вытекающим отсюда высоким уровнем затрат.

Не будем подробно обсуждать тезис о несистемности меркантилистской теории, ее методологическом и аналитическом несовершенстве. В данной связи уместно вспомнить замечание историка А. Коутса, который отметил, что нельзя отвергать большинство экономических писателей XVII – начала XVIII в. как некомпетентных просто по причине их несоответствия стандартам более изощренных версий современных теорий международной торговли, так как каждое поколение ученых «стоит на плечах своих предшественников» и большая часть экономической теории вчерашнего дня с необходимостью ниже уровня нашего дня¹⁷. Также оставим в стороне утверждение Смита об абсурдности меркантилистской теории вследствие того, что в ней допускается убыточность внешней торговли для одной из сторон. Это обвинение свидетельствует о непонимании Смитом механизмов стимулирования экономики, присутствующих в меркантилистской доктрине, вследствие использования им в теоретическом анализе ряда нормативных аксиом и связанных с ними теоретических концепций, анализ которых не укладывается в формат настоящей статьи и не входит в задачу автора.

Теория валютно-денежных потоков, сформулированная в первой половине XVIII в. и подхваченная экономистами классической и неоклассической школ, оказалась наиболее долговечным и неотразимым критическим аргументом в адрес меркантилизма. Согласно этой теории расширение предложения драгоценного металла в стране вследствие проведения меркантилистской политики положительного торгового баланса ведет к росту внутренних цен, выраженных в мировой валюте, вследствие чего конкурентоспособность товаров страны на мировых рынках падает с последующим ухудшением торгового баланса и оттоком денег¹⁸. Согласно описанному механизму, основная роль в достижении равновесия принадлежит корректировкам цен на товары, которые обусловлены движением международных товарных потоков и противоположных им валютно-

денежных потоков. Именно механизм валютно-денежных потоков позволял утверждать на теоретическом уровне, что меркантилистская политика является нагромождением ошибочных положений, не позволяющих достигнуть заявленных целей.

Позднее в эту схему был добавлен дополнительный механизм достижения равновесия в условиях золотовалютного стандарта, связанный с коррекцией процентных ставок при изменении денежной массы вследствие движений мировых финансовых потоков. Последний механизм предполагал, что, с одной стороны, при увеличении денежной массы в стране происходит снижение рыночной процентной ставки, вследствие чего она теряет привлекательность для мировых финансовых инвесторов, которые переводят свои депозиты в другие страны, где процентная ставка выше, что вызывает снижение денежного предложения. С другой стороны, привлекательность страны в глазах мировых заемщиков растет, что увеличивает объем ссуд, выдаваемых финансовыми учреждениями страны, что также способствует снижению денежной массы. Однако ни доклассические экономисты, ни экономисты-классики не использовали в своих рассуждениях второй механизм, основанный на переливах финансовых потоков. У Кантильона и Смита мы можем обнаружить ответ, почему они не делали этого: оба ставили под сомнение правильность утверждения о том, что приток денег в экономику ведет к снижению процентной ставки. Наиболее ценно в этом отношении мнение финансиста Кантильона, который утверждал, что при активном сальдо торгового баланса процент будет падать только в небольших торговых меркантилистских республиках, где отсутствуют крупные собственники земли, в крупных же территориальных государствах процентная ставка будет поддерживаться на высоком уровне вследствие роста спроса на ссудные капиталы со стороны землевладельцев¹⁹. В настоящей статье мы примем точку зрения Кантильона и будем подразумевать под теорией валютно-денежных потоков только механизм, основанный на коррекции товарных цен.

Тут мы сталкиваемся с интересным парадоксом: оказывается, механизм валютно-денежных потоков был знаком меркантилистам уже в начале XVII в., что следует, например, из работ Ж. де Малина²⁰, и не смущал их. Не менее интересен и тот факт, что Р. Кантильон, в сочинениях которого механизм валютно-денежных потоков представлен в разработанном виде, сам придерживался сугубо меркантилистского взгляда на внешнюю торговлю и экономическую политику. В его «Эссе...» буквально бок о бок соседствуют предостережения о практически неизбежном закате торговой нации, проводящей политику активного торгового баланса, вследствие действия механизма валютно-денежных потоков, и меркантилистские утверждения о том, что положительный торговый баланс усиливает страну, что всегда нужно добиваться роста импорта серебра настолько, насколько это возможно, что необходимо стараться экспортировать мануфактурные товары в обмен на сельскохозяйственную продукцию²¹.

Можно согласиться с А. Бруэром, которого заинтересовала двойственность позиции Кантильона, в том, что основной причиной защиты последним меркантилистской политики торгового баланса является его убеждение в наличии достаточно продолжительной фазы подъема торговли и экономики в целом вследствие притока денег в страну²². Бруэр выделяет несколько факторов, используемых Кантильоном для объяснения продолжительной задержки обращения активного баланса в пассивный, из которых наиболее важными и прямо указанными Кантильоном являются следующие: а) формирование торговцами и промышленниками из растущей вследствие активного торгового баланса прибыли долгосрочных сбережений для последующей покупки собственности, не связанной с их текущей торговлей, с целью обеспечения себе гарантированного дохода;

б) проведение государством политики удаления денег из обращения путем создания запасов на случай непредвиденных нужд.

Перечисленные мероприятия действовали со стороны спроса на товары, понижая совокупный спрос до величины, при которой инфляция не превышает приемлемого уровня. Одновременно те же мероприятия снижали величину стимулирующего эффекта, который оказывало на экономику активное сальдо торгового баланса, поэтому подобная стерилизация денежной массы в некоторой степени обесценивала меркантилистскую экономическую политику, успех или неуспех которой в данной ситуации во многом зависел от наличия в стране неиспользуемых ресурсов на начальной стадии проведения меркантилистской политики²³.

Однако отдельные замечания Кантильона позволяют развить иную линию анализа указанной проблемы. Так, объясняя причины, по которым страна с положительным сальдо торгового баланса может сохранять свои торговые позиции и выдерживать конкуренцию с другими странами, Кантильон упомянул о значении хороших средств мореплавания, имеющихся у рассматриваемой страны. Большое количество современных кораблей и обученных моряков, имеющихся у активно торгующей страны, дает ей возможность транспортировать товары с меньшими затратами по сравнению с другими странами, что позволяет поддерживать их цену на конкурентоспособном уровне. Кроме того, говоря о причинах упадка Франции, который начался в 1684 г. после почти 40-летнего подъема, Кантильон связал его не с чем иным, как с выдворением из страны протестантских предпринимателей и ремесленников²⁴, т. е. с ухудшением качества факторов производства, состояние которых также влияет на производственные затраты и, возможно, на используемую технологию. Данная аргументация основана на анализе проблемы со стороны предложения продукции.

Видимо, можно утверждать, что Кантильон, формулируя теорию валютно-денежных потоков, все-таки подразумевал случай с неменяющейся технологией производства. Описывая его в терминах модели совокупного спроса и совокупного предложения, мы имеем кривую совокупного предложения продукции AS , положение и форма которой заданы и неизменны. По условию в начальной точке 1 имеем неполную занятость ресурсов. Приток денег вследствие положительного сальдо торгового баланса означает рост совокупного спроса, выражающегося в смещении кривой AD вправо и вверх. Совокупный выпуск продукции будет расти до тех пор, пока занятость всех ресурсов не будет близка к полной, что произойдет в точке 2 , после которой дальнейший приток денег в страну будет стимулировать инфляцию. Именно после этого момента политика стерилизации денежной массы приобретает особое значение (рис. 1).

Если правительство не сможет нейтрализовать поступающие в страну деньги, то в точке 3 производимая страной продукция потеряет конкурентоспособность и произойдет превращение активного баланса в пассивный с вытекающим кумулятивным снижением совокупного спроса до его начального уровня. По Кантильону, достижение страной точки 3 и последующий регресс производства и торговли являются лишь делом времени, так как долгосрочные накопления предпринимателей в конце концов будут истрачены и поднимут цены, а король и его администрация не столь сведущи в денежных вопросах, чтобы определить момент, когда денег в обращении становится больше, чем необходимо. Кроме того, действия верховной власти часто определяются не вопросами экономической целесообразности, а другими интересами²⁵.

В рассмотренной выше интерпретации меркантилизм предстает как теория короткого периода, весь смысл которой состоит в доведении использования имеющихся ресур-

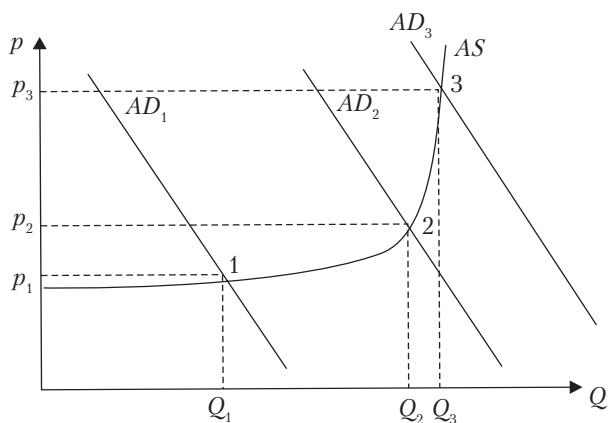

Рис. 1. Политика активного торгового сальдо и механизм валютно-денежных потоков.

сов до уровня полной занятости. При такой трактовке, однако, совершенно не учтены те элементы меркантилистской теории, которые действуют со стороны предложения продукции. Это упомянутые Кантильоном затраты на морские транспортировки и уровень развития человеческого капитала, которые не вписываются в вышеизложенную схему. Между тем меркантилизм отнюдь не исчерпывался тезисом о поддержании активного сальдо торгового баланса. Очень большое число составляющих меркантилизма относятся к факторам, влияющим на предложение продукции. Подавляющее большинство из них никак не отмечено Кантильоном в его труде, видимо, вследствие того, что Кантильон был банкиром, а не предпринимателем или купцом, и он не так тонко чувствовал эту сторону вопроса. Большинство факторов и фактов, о которых пойдет речь ниже, хорошо известны исследователям меркантилизма, вместе с тем перечислим их для того, чтобы было понятно, что имеется в виду.

Одной из важнейших задач меркантилистской политики являлось расширение предложения факторов производства. О пользе для страны многочисленного и трудолюбивого населения меркантилисты писали очень часто и порой в весьма неожиданном контексте²⁶. Кроме внимания к численности населения, меркантилисты искали методы увеличения доли рабочей силы в совокупном населении и увеличения индивидуального предложения числа часов труда²⁷. Большое внимание уделялось повышению качества трудовых ресурсов — привлечению в страну квалифицированных и трудолюбивых иммигрантов, обучению детей привычке трудиться, контролю над моральным состоянием рабочих, росту производительности труда²⁸.

Однако одну важную категорию занятых в экономике меркантилисты, как правило, обходили вниманием — предпринимателей, от действий которых во многом зависела успешность политики, касающейся предложения продукции. В одном случае это могли быть предприниматели-пуритане, направлявшие большую часть выручки на развитие бизнеса. В этом отношении опыт все той же Ост-Индской компании достаточно показателен: являясь крупнейшим внешнеторговым оператором, обеспечивающим значительную долю внешнеторговой прибыли, в то же время она была и крупнейшим каналом стерилизации денежных средств в форме зарубежных инвестиций, отправляя с каждым

караваном такое внушительное количество оборотного капитала в форме денежного металла, что возникали серьезные дефициты серебряной монеты в обращении, служившие причиной для обвинения компании в возникновении кризисов в стране²⁹. Естественно, в такой ситуации можно ожидать не только экстенсивного расширения бизнеса, но и улучшения технологии, снижения затрат и расширения потенциального объема выпуска, т. е. положительных изменений со стороны предложения продукции.

В другом случае в роли предпринимателей могли выступать крупные землевладельцы, направлявшие прибыль от продажи сельскохозяйственных товаров на покупку товаров роскоши. Здесь нужно ожидать совершенно других последствий, так как внешнеторговая выручка будет поступать непосредственно на товарные рынки, стимулируя рост цен. Именно такую ситуацию на примере Испании и Португалии описывал Кантильон для иллюстрации действия механизма валютно-денежных потоков³⁰. Удивительно, но меркантилисты практически не уделяли внимания выяснению того, кто именно получает доходы от внешней торговли и каким образом их расходует, хотя этот вопрос имеет первостепенное значение для успешности всей политики. Видимо, присутствие неутомимого предпринимателя было одним из многочисленных факторов, которые меркантилисты принимали по умолчанию как само собой разумеющееся, позволяя нам догадываться о его незримом существовании по косвенным замечаниям.

Объем земельных площадей, имевшихся в распоряжении страны, волновал меркантилистов в значительно меньшей степени, чем проблема расширения предложения труда. Однако замечание Т. Мана о необходимости обрабатывать все имеющиеся в стране пустоши для снижения импорта сырьевых товаров³¹, мысли Р. Кантильона о земле как об источнике ценности и средств пропитания для населения³², идея У. Петти о том, что земля, наряду с трудом, является источником богатства³³, а также практика территориальной экспансии в Америке свидетельствуют о внимании меркантилистов к количеству данного фактора производства³⁴.

Проблема расширения предложения капитала волновала меркантилистов, пожалуй, в наибольшей степени и совпадала с проблемой расширения предложения денег. Как отметил Р. Хинтон, смысл понятия денег во времена Т. Мана с трудом воспроизводим в терминах современной экономической науки. В связи с тем, что капитал в те времена использовался преимущественно в форме оборотного капитала даже в таких относительно тяжелых отраслях, как горное дело, а, например, в текстильной промышленности основной капитал практически не использовался совсем, меркантилисты отождествляли капитал и деньги³⁵. Незрелость финансовых институтов во времена Тюдоров и ранних Стюартов в Англии затрудняла получение кредита на пополнение оборотного капитала и финансирование текущих операций компаний³⁶, поэтому расширение капитала и операций было эквивалентно увеличению количества денег, находящихся в распоряжении предпринимателей³⁷. Особенно это было верно для операций, проводимых Ост-Индской компанией в силу того, что на 70% экспорт компании состоял из экспорта денег³⁸. Такой авторитетный исследователь меркантилизма, как Э. Хекшер, считал, что деньги во времена меркантилистов играли роль фактора производства³⁹.

В свете сказанного выше становится понятной забота меркантилистов об увеличении количества денег в стране, ведь постоянный рост совокупного спроса позволял предпринимателям возобновлять капитал и за счет текущей выручки получать прибыль короткого периода, значительная часть которой реинвестировалась, т. е. конвертировалась в доходы длительного периода. Согласно данным по Великобритании, которые относятся к несколько более позднему периоду 1784–1786 гг., реинвестированные прибыли от тор-

говли со всеми колониями Британской империи составили 16,5% совокупных инвестиционных расходов внутри страны и за рубежом⁴⁰. Естественно ожидать, что часть инвестиций шла на улучшение технологии и снижение производственных и торговых затрат.

Дополнительной выгодой от проведения политики, направленной на расширение предложения факторов, являлось возможное понижение цен труда и капитала, которое оказывало прямое воздействие на издержки производства и совокупное предложение. Призывы к понижению заработной платы были особенно характерны для раннего меркантилизма как английского, так и континентального до последней четверти XVII в.⁴¹ С последней четверти XVII в. стала набирать популярность теория высокой заработной платы. Ее сторонники утверждали, что для снижения доли трудовых затрат в цене продукции необходимо не понижать заработную плату, а повышать ее, поскольку высокой заработной плате соответствует высокая производительность труда⁴².

По поводу политики в отношении ставки процента среди меркантилистов было больше согласия, чем в отношении заработной платы, — Э. Мисселден, Ж. де Малин, У. Темпл, Н. Барбон, Дж. Чайлд, Дж. Лоу призывали к снижению процентной ставки. Из них только Барбон призывал законодательно установить 3%-ный потолок ставки процента, остальные поддерживали косвенные методы снижения ставки. Большинство считало, что развитие институтов денежной сферы — банковского сектора и рынка денег — приведет к снижению ставки процента. Мисселден, Малин, Лоу высказывали идею об обратной зависимости процентной ставки от предложения денег⁴³, однако существовали серьезные возражения по поводу обоснованности данной теории, уже обсуждавшиеся выше.

Наконец, меркантилистская государственная политика в области предложения продукции включала хорошо известные меры по созданию мануфактур и развитию сухопутных и морских средств сообщения с помощью льгот, субсидий, предоставления монопольных прав или за счет казны, а также расширению предложения сырьевых товаров с помощью колониальных захватов.

Меркантилисты всегда по достоинству оценивали роль государства в проведении политики — ведь множество меркантилистских сочинений было адресовано государству в лице короля. Отдельные аспекты меркантилистской политики являлись прерогативой исключительно государства. К ним относилось, в первую очередь, все, что связано с использованием военной силы. В эпоху меркантилизма война была такой же необходимой и производительной работой, как строительство путей сообщений. Военный аргумент был единственным реальным методом решения колониальных споров, а колонии играли значительную роль в системе экономических связей и представляли важное звено в механизме обеспечения долгосрочного роста. Государство, следуя совету Кантильона, должно было в ходе проведения меркантилистской политики накапливать средства на непредвиденные нужды, в качестве которых обычно выступала очередная война за господство на море или суше, расчищающая путь для дальнейшего экономического роста⁴⁴. Агрессивное государство стало настолько неотъемлемым элементом меркантилизма, что вопрос о том, что является первичным в меркантилизме — государственная мощь или экономическое благосостояние — так и остался дискуссионным⁴⁵.

Как мы видим, значительная часть меркантилистской теории и политики касалась предложения продукции и была направлена либо на понижение затрат на единицу выпуска, либо на расширение объемов потенциального выпуска при неизменных затратах, а иногда одновременно на достижение обеих целей. Это имеет принципиальное значение с точки зрения рассматриваемой проблемы. В терминах модели совокупного спроса

и совокупного предложения снижение затрат на единицу выпуска и расширение потенциального объема выпуска выражаются в смещении кривой совокупного предложения вправо и вниз. Предполагая, что страна в начальный момент времени имеет неполную занятость ресурсов и начинает проводить меркантилистскую политику, действующую не только со стороны спроса, но и со стороны предложения продукции, получаем качественно иной ход событий по сравнению с предсказаниями, вытекающими из теории валютно-денежных потоков (рис. 2).

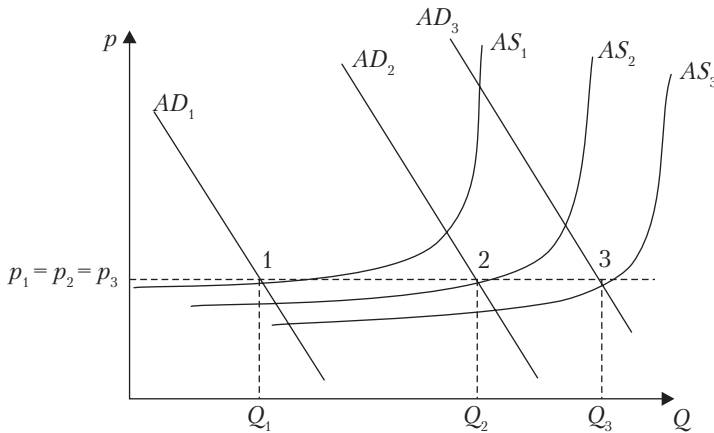

Рис. 2. Политика активного торгового сальдо и изменение факторов, действующих со стороны предложения.

Мы видим, что одновременное расширение спроса и предложения продукции помогает сдерживать инфляцию при сохранении благоприятных условий для роста производства и торговли.

Таким образом, можно прийти к выводу, что активная политика в сфере предложения, которая дает возможность избежать сценария, основанного на механизме валютно-денежных потоков, является ключом к пониманию смысла меркантилизма. Анализ показывает, что теория валютно-денежных потоков представляет собой статическую теорию, сформулированную для случая короткого периода, когда выполняется условие постоянства технологии и удельных затрат. Такая теория не может использоваться для объективной критики меркантилистской теории в целом, поскольку последняя имеет динамический и долгосрочный характер и содержит предпосылки, выполнение которых устраняет условия, неявно принятые в теории валютно-денежных потоков.

Полученный вывод, конечно, не дает оснований утверждать, что меркантилизм — это система безупречных теоретических и практических положений, одинаково эффективных во всех случаях. Однако мы можем быть уверенными, что в том историческом контексте, когда он реально существовал, и при соблюдении определенных дополнительных условий, а именно — при наличии у предпринимателей стремления к накоплению капитала и проведении последовательной и разносторонней государственной политики, меркантилизм мог быть наиболее эффективной политикой достижения одной из стран глобального лидерства.

¹ См., напр.: Central Planning and Neomercantilism. Princeton, 1964; *McGuire M. C., Ohta H.* Implicit Mercantilism, Oligopoly, and Trade // Review of International Economics. 2005. Vol. 13. Issue 1. P. 165–184.

² *Allen W. R.* Modern Defenders of Mercantilist Theory // History of Political Economy. 1970. Vol. 2. Issue 2. P. 382.

³ *Heckscher E. F.* Mercantilism. London, 1935.

⁴ *Ekelund R. E., Tollison R. D.* Mercantilism as a Rent-Seeking Society. College Station, TX: Texas A&M University Press, 1982.

⁵ Далеко не полный список статей, изданных во второй половине XX в., авторы которых относятся к меркантилизму как к серьезному направлению в экономической теории, включает следующие работы: *Nettels C. P.* British Mercantilism and the Economic Development of the Thirteen Colonies // The Journal of Economic History. 1952. Vol. 12. Issue 2. P. 105–114; *Coats A. W.* The Interpretation of Mercantilist Economics: Some Historiographical Problems // History of Political Economy. 1973. Vol. 5. Issue 2. P. 485–495; *Magnusson L.* Mercantilism and «Reform» Mercantilism: The Rise of Economic Discourse in Sweden During the Eighteenth Century // History of Political Economy. 1987. Vol. 19. Issue 3. P. 415–433; *Muchmore L.* Gerrard de Malynes and Mercantile Economics // History of Political Economy. 1969. Vol. 1. Issue 2. P. 336–358; *Brewer A.* Cantillon and Mercantilism // History of Political Economy. 1988. Vol. 20. Issue 3. P. 447–460; *Ehrlich H. B.* British Mercantilist Theories of Profit // American Journal of Economics and Sociology. 1955. Vol. 14. Issue 4. P. 377–386; *Wiles R. C.* The Theory of Wages in Later English Mercantilism // The Economic History Review. 1968. Vol. 21. Issue 1. P. 113–126; *Wilson C.* «Mercantilism»: Some Vicissitudes of an Idea // The Economic History Review. New Series. 1957. Vol. 10. Issue 2. P. 181–188; *Grampp W. D.* The Liberal Elements in English Mercantilism // Quarterly Journal of Economics. 1952. Vol. 66. Issue 4. P. 465–501; *Hinton R. W. K.* The Mercantile System in the Time of Thomas Mun // The Economic History Review. New Series. 1955. Vol. 7. Issue 3. P. 277–290; *Perrotta C.* Is the Mercantilist Theory of the Favorable Balance of Trade Really Erroneous? // History of Political Economy. 1991. Vol. 23. Issue 2. P. 301–336; *Landreth H.* The Economic Thought of Bernard Mandeville // History of Political Economy. 1975. Vol. 7. Issue 2. P. 193–208.

⁶ *Allen W.* Op. cit. P. 381–397.

⁷ *Cannan E.* A Review of Economic Theory. London, 1929.

⁸ *Ehrlich H. B.* Op. cit. P. 383–384.

⁹ *Ibid.* P. 383; *Muchmore L.* Op. cit. P. 345.

¹⁰ См., напр.: *Heckscher E.F.* Op. cit. Vol. 2. P. 175; *Perrotta C.* Op. cit. P. 303; *Landreth H.* Op. cit. P. 198; *Ehrlich H.B.* Op. cit. P. 384.

¹¹ *Perrotta C.* Op. cit. P. 303; *Ehrlich H.B.* Op. cit. P. 378.

¹² *Perrotta C.* Op. cit. P. 304.

¹³ *Ibid.* P. 306.

¹⁴ *Ibid.* P. 308–310.

¹⁵ *Ashley W.J.* The Tory Origin of Free Trade Policy // Quarterly Journal of Economics. 1897. Vol. 11. Issue 4. P. 335–371; *Perrotta C.* Op. cit. P. 307.

¹⁶ *Ashley W.J.* Op. cit. P. 370–371.

¹⁷ *Coats A. W.* Op. cit. P. 486–487.

¹⁸ *Юм Д.* О торговом балансе // Малые произведения. М., 1996. С. 113–114.

¹⁹ *Cantillon R.* Essay on the Nature of Commerce in General. 1755. Pt. II. Ch. 10 (<http://socserv.mcmaster.ca/econ/ugcm/3113/cantillon/index.html>); *Смут А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. II. Гл. IV // Антология экономической классики. М., 1993. С. 377–379.

²⁰ *Muchmore L.* Op. cit. P. 344–345; *Шумпетер Й.* История экономического анализа: В 3 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 479–482.

²¹ *Cantillon R.* Op. cit. Pt. III. Ch. 1.

²² *Brewer A.* Op. cit. P. 457.

²³ См. замечание Шумпетера по этому поводу: *Шумпетер Й.* Указ. соч. Т. 1. С. 461.

²⁴ *Cantillon R.* Op. cit. Pt. II. Ch. 8.

²⁵ *Ibid.* Ch. 6, 8.

²⁶ См. интерпретацию причин процессов о ведьмах позднего Средневековья и Нового времени в работе: *Heinsohn G., Steiger O.* Birth Control: The Political-Economic Rationale behind Jean Bodin's Demonomanie // History of Political Economy. 1999. Vol. 31. Issue 3. P. 423–448.

²⁷ *Grampp W. D.* Op. cit. P. 482–483.

²⁸ *Ibid.* P. 484–486; *Magnusson L.* Op. cit. P. 421–422.

²⁹ *Muchmore L.* A Note on Thomas Mun's «England's Treasure by Foreign Trade» // The Economic History Review. New Series. 1970. Vol. 23. Issue 3. P. 499–500.

³⁰ *Cantillon R.* Op. cit. Pt. II. Ch. 6.

- ³¹ Ман Т. Богатство Англии во внешней торговле // Меркантилизм / Под ред. И. С. Плотникова. Л., 1935. С. 156.
- ³² *Cantillon R.* Op. cit. Pt. I. Ch. 1, 10, 15.
- ³³ *Петму В.* Трактат о налогах и сборах. Гл. IV // Антология экономической классики. М., 1993. С. 33.
- ³⁴ Существует мнение, что отличительной чертой меркантилизма является стремление к контролю над территорией (*Buzan B.* Economic Structure and International Security: The Limits of the Liberal Case // International Organization. 1984. Vol. 38. Issue 4. P. 603).
- ³⁵ *Hinton R.* Op. cit. P. 282.
- ³⁶ *Muchmore L.* Gerrard de Malynes and Mercantile Economics // History of Political Economy. 1969. Vol. 1. Issue 2. P. 346.
- ³⁷ *Heckscher E. F.* Op. cit. Vol. 2. P. 199.
- ³⁸ *Muchmore L.* A Note on Thomas Mun's «England's Treasure by Forraign Trade» // The Economic History Review. New Series. 1970. Vol. 23. Issue 3. Dec. P. 499.
- ³⁹ *Heckscher E.F.* Op. cit. Vol. 2. P. 200.
- ⁴⁰ *Smith S. D.* British Exports to Colonial North America and the Mercantilist Fallacy // Business History. 1995. Vol. 37. Issue 1. P. 59.
- ⁴¹ *Wiles R.* Op. cit. P. 113.
- ⁴² *Ibid.* P. 113–126.
- ⁴³ *Grampp W. D.* Op. cit. P. 478-479.
- ⁴⁴ Согласно оценкам, колонии Великобритании поглотили до 40% ее добавочного промышленного производства за период 1697–1760 (*Smith S. D.* Op. cit. P. 45).
- ⁴⁵ См. интересное мнение по данному вопросу: *Gershenkron A.* History of Economic Doctrines and Economic History // American Economic Review. 1969. Vol. 59. Issue 2. P. 3.

Статья поступила в редакцию 31 января 2007 г.